

«БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ — КАЖДЫЙ ПРОЖИТЫЙ ДЕНЬ»

Илья Глазунов — живописец и график, народный художник СССР, профессор мастерской портрета Государственного художественного института имени В. И. Сурикова в Москве. Его считают одним из самых интересных современных портретистов мира. Выставки работ Глазунова проходят с огромным успехом. Они экспонировались в Москве, Ленинграде, Варшаве, Кракове, Риме, Париже, Копенгагене, Стокгольме, Хельсинки, Берлине, Дюссельдорфе, Кельне, Гамбурге...

Сейчас Илья Глазунову 54 года. Он много работает, будь то в командировке или в Москве, где живет. Его можно застать в мастерской совсем ранним утром и в самый поздний час. Люди, знающие этого человека, неизменно отмечают его исключительную работоспособность, волю и упорство.

Будущий художник родился в Ленинграде в 1930 году. У него, как он сам говорит, было спокойное, нормальное, словом, довоенное детство. Каждое лето он проводил с родителями на даче под Ленинградом. Здесь 22 июня 1941 года одиннадцатилетний Илья услышал о начавшейся войне.

...Во время первой мировой войны отец Илья Глазунова, историк Сергей Глазунов, шестнадцатилетним юношей ушел добровольцем на фронт. В 1941 году военкомат признал его по состоянию здоровья непригодным для военной службы, и он, глубоко переживая случившееся, решил ни в коем случае не уезжать из Ленинграда.

Близился новый, 1942 год. В блокированном городе начался голод. По карточкам давали в день 125 граммов хлеба. Изредка Глазуновы топили в квартире маленькую «буржуйку» — железную печку, оставшуюся со времен гражданской войны. Воды не было. Она замерзла. Пили растопленный снег.

— Начавшийся голод, — вспоминает Илья Глазунов, — вначале обострял восприятие жизни. Голова стано-

вилась ясной. Но во всем теле чувствовалась слабость. Наступало полужабытие. Иногда в ушах стоял звон. Потом наступало состояние, когда вовсе не хотелось есть. Временами люди теряли сознание. Очень долго тянулось время.

В январе 1942 года умер отец Илья Глазунова. Он умирал мучительно, от «голодного психоза», как определил врач, сам еле державшийся на ногах от слабости.

Вслед за отцом в январе-феврале на глазах одиннадцатилетнего Илья умерли все его родные, жившие с семьей Глазуновых в одной квартире.

Уже много дней не вставала с постели мама Илья. Спустила некоторое время по просьбе дяди, воевавшего на Северо-Западном фронте, за Ильей пришли, чтобы вывести его из блокадного Ленинграда на Большую землю. Мама не могла даже пошевелиться, глазами следила за чужими людьми, забирающими ее единственного сына. «Я поправлюсь и приеду к тебе», — тихо говорила она.

...По знаменитой «Дороге жизни», проложенной через Ладожское озеро, подростка доставили в госпиталь. Прошел месяц. Он окреп и чувствовал себя почти здоровым.

Более двух лет потом Глазунов жил в маленькой заброшенной среди дремучих лесов новгородской деревне Гребло. Художник помнит, как почтальонша принесла наконец письмо из Ленинграда. Он узнал почерк тети Аси, сестры матери. Но письмо было адресовано не ему. Глухо застучало сердце, показалось, что наступила глухота. Страшная догадка подтвердилась. Умерла его мать.

Вскоре после снятия бло-

кады Илья Глазунов вернулся в родной Ленинград, который видел в своих снах и с которым были связаны самые счастливые и самые горькие дни его жизни.

В сентябре 1944 года Глазунов поступил в среднюю художественную школу при Академии художеств СССР. В 1951 году он становится студентом Института имени И. Е. Репина при той же Академии. Проходит долгий путь становления художника. Ныне им создана галерея портретов — писателей, космонавтов, ученых, артистов, строителей БАМа.

Илья Глазунов рассказал языком художника о Чили времен правительства Народного единства, о революционной Никарагуа, о борющемся Вьетнаме. Он — автор иллюстраций к произведениям русской классической литературы — Достоевского, Мельникова-Печерского, Лескова, Некрасова, Гончарова, Блока. Глазунов — создатель декораций к опере Бородина «Князь Игорь», балету Хачатуряна «Маскарад», опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». И, конечно же, важное место в творчестве художника занимает цикл графических произведений «Ленинградская блокада».

— Я должен сказать, — говорит Илья Глазунов, — что война оставила глубокий след на всем нашем поколении. Я, как и мои сверстники, узнал ужас смерти, утрат. Это большое чудо, что я выжил в ленинградскую блокаду. Когда я оказался в Новгородской области, в маленькой деревне Гребло, увидел шумящие леса, цветущие поля, я не верил, что жизнь снова возвращается.

Приехав в родной город

после снятия блокады, — продолжает свой рассказ художник, — я вновь ходил по ленинградским улицам, смотрел на знакомые здания и еще острее понимал, что никогда уже не увижу отца, мать.

Но тогда же, по возвращении в Ленинград, Илья Глазунов видел, как сквозь растрескавшийся асфальт городских улиц пробивалась трава как символ продолжающейся жизни. Пережитая им трагедия не сломила его, мобилизовала его силы, чтобы, залечив раны, он жил дальше, веря в добро. В Ленинграде в те дни скверы использовались как огороды. Их обнесли забором, сделанным из кроватей. Люди умирали в годы блокады: кровати оказались ненужными... Все это впоследствии навело художника на мысль о создании четырех циклов работ под общим названием «Познание души города». Эти циклы — «Великая Россия», «Современный город», «Достоевский и образы русской классической литературы», «Портреты».

— Я думаю, — говорит Илья Глазунов, — что никто в большей мере не может ценить жизнь, как люди, испытавшие тяготы войны. Для меня каждый прожитый день — большая радость, великое благо.

Сейчас, когда над миром нависла новая угроза еще более опасной, ядерной войны, — заключает Илья Глазунов, — мне хочется верить в человеческий разум, в то, что человечество найдет выход из сложной ситуации и обеспечит жизнь новым поколениям, развитию прогресса, сделает реально светлое предназначение жизни на Земле.

Т. ШАХНАЗАРОВА.
(АПН).

ПОЛЯРНАЯ ПИ

30 СЕН 1984

Полярная Правда
г. Мурманск